

ДОСТЫҚ-ДРУЖБА

*И это все
любви
прекрасные
моменты...*

СВЕТ ПАМЯТИ -
РОДИМЫЙ, РОДОВОЙ

ТЕКТИ ТҰЖЫМ

КЛАССИК КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МУХТАР АУЭЗОВ В НАЧАЛЕ 1950-Х ГОДОВ СКАЗАЛ УЖЕ ТОГДА ИЗВЕСТНОМУ ПОЭТУ АБУ САРСЕНБАЕВУ: «АБЕКЕ, ВЫ КОРЕННОЙ РЫБАК. ПОЧЕМУ ЖЕ НЕ ПИШЕТЕ О МОРЕ, О РЫБАКАХ? НЕКОТОРЫЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ СОЧИНЯЮТ КНИГИ НА ЭТИ ТЕМЫ, ВЫСАСЫВАЯ МОРСКИЕ ОБРАЗЫ ИЗ ПАЛЬЦА. А ВЫ, МОЖНО СКАЗАТЬ, РОДИЛИСЬ В МОРЕ».

Вняв совету великого наставника, Абу пустился в который уже раз вместе с рыбаками в плавание по родному Каспию, а потом на одном, как говорится, вздохе написал роман «Рожденные на волнах». И опять же благодаря Мухтару Омархановичу этот роман вскоре увидел свет. Автор, правда, опасался, что степнякам, далеким от моря, будет не просто воспринять его книгу. Но она вызвала большой интерес у читателей и литературных критиков всего бывшего СССР, поскольку сразу же была переведена на всем тогда доступный русский язык.

Абу Сарсенбаев стал первым казахским писателем-маринистом. Морская стихия может служить и метафорой жизни писателя, вобравшей в себя немало тягот, драм и трагедий. Но и необыкновенную любовь, которая помогала преодолевать любые невзгоды и звала к спасительному для художника слова литературному творчеству.

О счастье пожизненной влюбленной дружбы Абу Сарсенбаева (1905-95) и Лязизы Сергазиной (1908-82) – счастье, дарованном небесами и предками, рассказывает их дочь Райхан... Умудренная жизнью, достопочтенная Райхан-апа Сарсенбаева.

РОДОВЫЕ КОРНИ

– Райхан-апа, что вам известно о ваших предках по материнской линии?

– Родник моего материнского рода находится в Павлодарском Прииртышье. Моя мама, Лязиза Сергазина, родилась в 1908 году в ауле № 10 Павлодарского уезда. Мамин отец, Мешитбай-кажи Кенжекеев, окончил в Стамбуле высшее мусульманское учебное заведение «Дерермунун» и, совершив хадж, вернулся в родной аул, где открыл на свои средства медресе и построил мечеть. Ушел из жизни мой дед в 1929 году. Но до сих пор все мои землячки, которые по разным причинам не могут родить, приходят к его мазару, почитаемому как святое место, прикасаются к нему с мольбой, исполненной надежды, и Аллах вознаграждает их ребеночком.

В мамином дневнике за 1979 год есть такая запись: «Я видела сон – женщины кричат: «Кажи идет! Кажи идет!..» А я гляжу, но его не вижу. Тут я проснулась... И вспомнила, что в этот самый день исполнилось 50 лет, как он ушел от нас. Перед уходом дед сказал мне: «Я не прошу, чтобы ты по пять раз в день совершала намаз и не прошу тебя держать уразу. Теперь другое время. Но будь всегда порядочным человеком».

– А чем знамениты ваши предки по отцовской линии?

– Отцовский родовой родник бьет на прикаспийских землях Младшего жуза. Дед мой в седьмом колене, Тазмолла (Лысый мулла), не был жителем тех мест. Говорили, что ему на одном месте не сиделось, и к нам он вроде как из Ирана явился.

В ту пору степным правителем (акимом) в наших краях, которые входили в состав Букеевской орды, был султан Макаш (Мухамеджан) Бекмухамедов (1830-1904). Очень авторитетный и в казахском народе, и в чиновном Санкт-Петербурге. И не только как аким, пробывший на этой должности 40 лет, но и как ученый-этнограф и просветитель.

На могиле Макаша возведен памятник-мавзолей.

По инициативе моего отца, его родной аул под названием Морское в Курмангазинском районе Атырауской области переименовали в аул Макаш.

Мой дед, Сарсенбай, был рыбак, он хорошо знал казахский фольклор. И эпические сказания, и сказки, и песни. И обладал просвещенческим даром. Занимаясь со своими малыми детьми, он всегда прибегал к известному в педагогике принципу наглядности. К примеру, разучивают дети стишок-считалку о баурсаках:

«Нәйім, нәйім баурсақ...» – и он тут же бросает на стол их пригоршню. В кинофильме «Чапаев» есть эпизод, где командир 25-ой дивизии манипулирует картофелинами на столе перед комиссаром Фурмановым, определяя оптимальное место командира при атаке на врага. Когда я смотрю эту сцену, то моментально представляю своего деда. Или идет по аулу неспешно стадо верблюдов, дед тут же принимался читать стихи об этих степенных «кораблях» степей и пустынь.

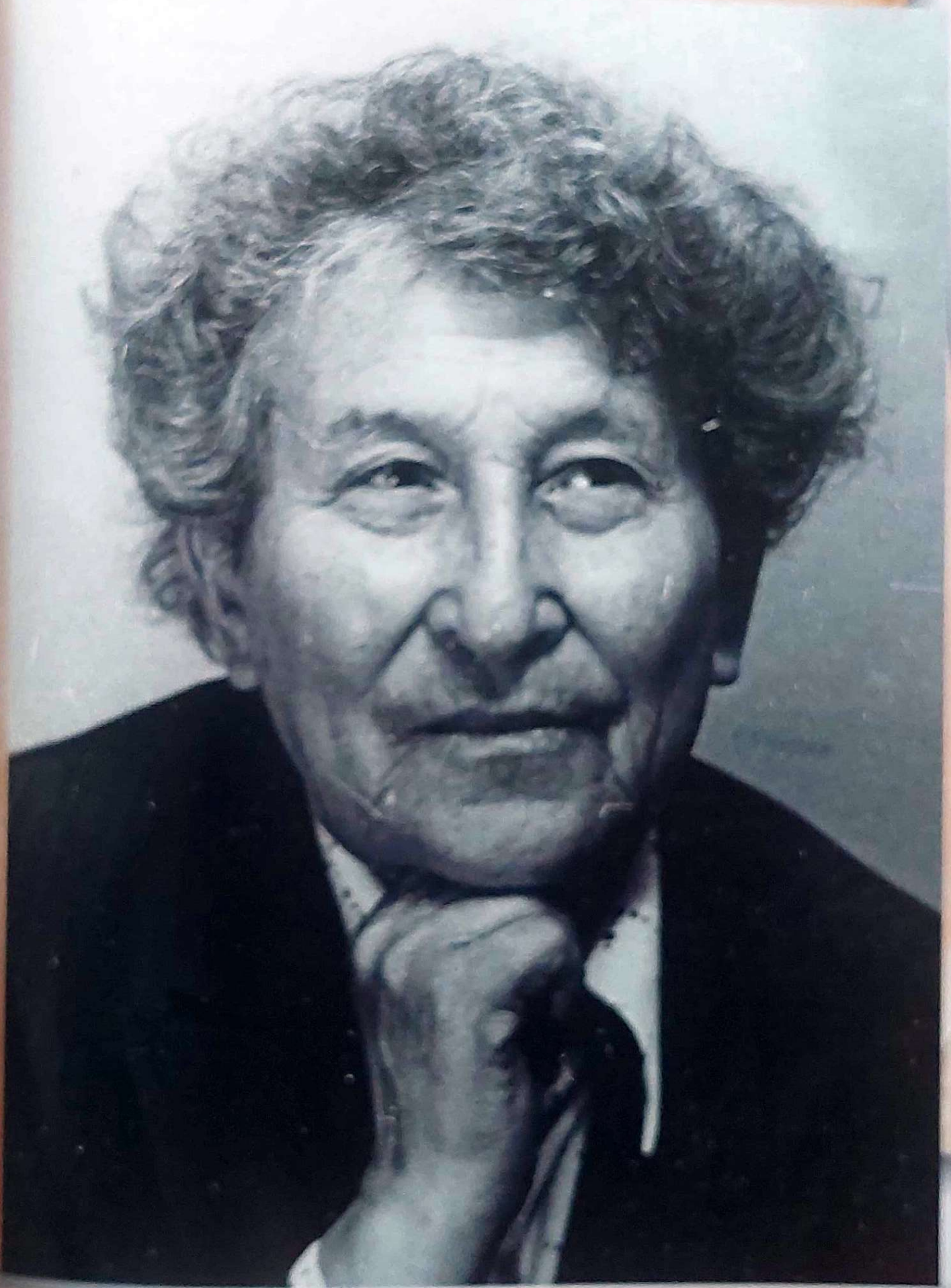
О ДЕТСТВЕ И ЮНОСТИ ОТЦА

Абу Сарсенбаев был у отца и матери тринадцатым из четырнадцати детей, в числе которых было трое мальчиков и одиннадцать девочек.

Сарсенбай умер, когда Абу было семь лет. Но он навсегда запомнил, как бежал окатываемый прибрежными волнами, с ватагой

сверстников, навстречу отцу, волокущему лодку с уловом к берегу. И тот, тряся просоленной бородой, отросшей за время путины, хватал его на руки и радостно подбрасывал над головой. Сам Абу в первый раз ушел в море с рыбаками в десять лет. И, как отец, так же уверенно тащил на берег лодку, полную рыбы, на зависть другим мальчишкам. А довольная мать – звали ее Зауза – бежала к нему, горделиво улыбаясь. Она тоже была рыбачка, и пока были силы, зарабатывала тем, что чистила и потрошила рыбу. Покинула она белый свет в 1940 году.

...После установления в Казахстане советской власти Абу Сарсенбаев окончил в Астрахани советско-партийную школу. В 1931-34 годах учился в Алма-Ате на факультете журналистики Коммунистического вуза (Комвуз). В 1934 году Управление Туркестано-Сибирской железной дороги поручило ему

создание многотиражной газеты «Турксиб», он стал первым ее редактором.

В 1936 году Абу Сарсенбаев был назначен директором Казахского государственного издательства. С этой должности он был призван в ряды защитников Родины, как только

началась Великая Отечественная война.

СЧАСТЬЕ ЛЮБВИ

Абу Сарсенбаев и Лязиза Сергазина были сокурсниками по факультету журналистики Комвуза

и, беззаветно полюбив друг друга, поженились в год его окончания. Нежную и искреннюю любовь к жене поэт воспел в своих стихах и поэмах.

— После смерти папы в 1995 году, — продолжает свое повествование Райхан-апа, — я нашла в его бумагах записку, обращенную к маме: «Любимая, ты столько для меня сделала!»

Когда мама ушла от нас в 1982 году, папа выразил свое к ней негасимое возвышенное чувство в поэме в стиле Петрарки — «Жар рухымен сырласу» (Безответный диалог с любимой). Эта поэма, которую я называю стихотворным «Тадж Махалом», вошла в его книгу «Қасиетті махаббат» (Священная любовь).

Папа сам сделал эскиз памятника маме — в виде развернутого блокнотного листа. На его каменном подножии начертаны строки из этой его поэмы.

ЭХО ВОЙНЫ

После призыва в действующую армию Абу Сарсенбаев был направлен на учебу в Ташкентский военно-педагогический институт. Лязиза Сергазина, желая отдать свои силы борьбе с гитлеровскими захватчиками, окончила курсы медсестер. Младший брат Лязизы, Аусат, погиб на Советско-финляндской войне (1939-40).

В Алма-Ате, однако, решили, что работа даровитого журналиста в казахстанском тылу внесет более весомый вклад в победу над врагом. Лязиза получила разрешение приехать на короткий срок к мужу в Ташкент. Там она сфотографировалась, и этот снимок Абу Сарсенбаев пронес с собой через все четыре года военной страды, свято веря в то, что драгоценное фото любимой жены сохранило ему жизнь.

Его ратные будни были связаны с III Украинским фронтом и его газетой «Советский воин», где были несколько национальных редакций, в том числе и казахская. Выпуск на казахском языке назывался «Советтік жауңгері».

День Великой Победы военный корреспондент Абу Сарсенбаев встретил на австрийской земле

Племянница Абу, Гульжиян Мурзагалиева, в своей статье «Лебединая верность» воссоздает с почти фактографической точностью такую трепетную сцену из 1943 года.

Абу глядит на парящее над ним облачко в безбрежном небе, и в его душе рождаются тонкие, акварельные строки стихотворения «Ақша бұлт» (Белое облачко).

Первая строфа в оригинале звучит так:

Уа, ақша бұлт, айтшы маған,
Айтшы маған, келдің қайдан?
Көк жүзінде көлбей жүзіп
Неге, неге кездің майдан?

Вот мой перевод этой строфы:

Ах, облачко, по чьей, скажи мне,
воле
Паришь ты тайной тенью чьей-то
доли?
Над голубым кочуя горизонтом,
Кого ты сторожишь на ратном
поле?

Назвав это произведение «одним из алмазов стихотворной россыпи» поэта, Гульжиян восклицает: «Воистину рожденные на волнах не могут не быть поэтами!»

В 1944 году Абу Сарсенбаев послал с фронта поэтическую весточку дочери Райхан.

Вот первая ее строфа – в переводе Алексея Брагина:

Ты частица души моей,
Ближе нет тебя и родней.
Моего ты счастья звезда
И улада отцовских дней.

...Типография, где печаталась газета «Совет жаунгері», испытывала дефицит вспомогательных материалов и шрифтов. В один из приездов в Алма-Ату Абу Сарсенбаев пришел к министру торговли Казахской ССР Ильяс Омарову, впоследствии известному литературному критику, и поведал об этих проблемах. Министр обещал помочь. Вскоре в пункт дислокации газеты было направлено всё необходимое для бесперебойной работы редакции и типографии, а также посылки с фруктами для солдат.

Ташкент, 1942 ж.
Мен майданға жүрерде.

В беседе с фронтовым журналистом Ильяс Омаров сказал: «Абеке, пишите побольше о ратных буднях наших солдат. Ваши записи станут живыми страницами истории великой войны. Пусть примером для вас будет Лев Толстой. Участник

Крымской кампании 1854-55 годов, он прямо на месте боев отражал их ход в очерках, на основе которых спустя несколько лет создал свои знаменитые «Севастопольские рассказы».

...Абу Сарсенбаев привез с фронта кипу материалов. И на

этой базе написал в числе многих художественных и документальных произведений книгу для детей. Но едва вышел ее сигнальный экземпляр, как автора вызвали в ЦК Компартии Казахстана. В одном из эпизодов книги раненый солдат, по имени Иван, говорит своему однополчанину: «Видишь, как воюет русский мужик!» Инструктор отдела агитации ЦК стал выговаривать писателю: «Ты что насмехаешься

над русскими воинами! Почему ты русского солдата Иваном обозвал, как фриц какой-нибудь?» Автор ответил, что, мол, эту фразу он записал со слов самого русского солдата. Но инструктор не унимался: «А почему, скажи, у тебя солдаты погибают?!» Он схватил книгу, разорвал ее напополам и швырнул на пол. К читателям она так и не пришла. Как вспоминает Райхан-апа, отец незадолго до своего ухода

сказал: «Эта моя книга тоже была репрессирована».

КАЛАМ АБУ

Дар стихотворчества Абу Сарсенбаев ощутил очень рано, но печататься начал в 1930-е годы. Его перо одарило любителей поэзии более десятком сборниками стихов, баллад и поэм. Одна из первых книг поэта так и называется – «Дар сердца» (1938), а одна из последних – «Высота и подъем» (1971). В сочетании этих названий символически отражен путь природного таланта к вершине профессионального мастерства.

Многие страницы художественной прозы писателя повествуют о жизни рыбаков и моряков. Это и уже названный роман «Рожденные на волнах», изданный на родном языке в 1953 году, а в русском переводе – в 1957 году, и повесть «Сын капитана» (1961), и роман «Морские напевы» (1969).

Ратные будни и победные праздники советских солдат в годы войны воссозданы в книгах 1960-70-х годов. Это цикл рассказов «Записки офицера», повести «Дневник офицера» и «Монолог воина» и сборник документальной прозы «По следам героев».

Произведения писателя переводились на русский, болгарский, таджикский, туркменский и эстонский языки. «Морская проза» была издана на казахском языке в арабской графике в СУАР Китая.

Сам поэт вдохновенно переводил на родной язык стихотворения Пушкина, Лермонтова и Некрасова, венгерского поэта и революционера Петефи и пакистанского поэта Фаиза Ахмад Фаиза XX века, многие стихи которого посвящены борьбе за мир и национальную независимость.

Высшим судьей своего творчества Абу считал свою любимую Лязизу.

– Мама в молодости тоже писала стихи, – улыбается Райхан-апа. – А папа свои стихи от нее всегда прятал, считая, видимо, их не вполне удачными.

У него была одна поэма (дастан), написанная арабской графикой. Однажды, когда папа лежал в больнице, мама случайно

обнаружила этот дастан в его бумагах, переписала его кириллицей и принесла ему со словами: «Вот что я у тебя нашла. Знаешь, а ведь это очень хорошая вещь!» И папа тут же отдал эту поэму в печать.

Среди семи орденов, которых был удостоен народный писатель Казахстана Абу Сарсенбаев, особенно значимым был для него орден независимого Казахстана «Парасат».

КАЛАМ ЛЯЗИЗЫ

Лязиза Сергазина освоила казахскую грамоту и овладела азами арабского языка с помощью своего отца, Мешитбая-кажи. В четырнадцать лет она окончила курсы сельских учителей и начала работать в ауле, а позже перешла в одну из школ Павлодара.

Первые стихи и корреспонденции талантливой девушки публиковались в журналах «Әйел тендігі» (Равноправие женщин) и «Балға» (Молот).

Журналистская работа Лязизы Сергазиной многие годы была связана с алма-атинской областной газетой «Сталин жолы» (ныне «Жетысу») и республиканской «Социалистік Қазақстан» (ныне «Егемен Қазақстан»). В победном 1945 году, в связи с 25-летием этой газеты, самоотверженный вклад Лязизы Сергазиной, заведующей отделом редакции, в Победу над врагом был отмечен боевым орденом Красной Звезды и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

С 1950 года до выхода на пенсию Лязиза Сергазина работала в республиканском журнале «Қазақстан әйелдері» (Женщины Казахстана). Ведущими темами ее публикаций были проблемы женщин Востока, отстаивание прав женщин в семье и обществе, вопросы воспитания молодого поколения. В период ее напряженной творческой работы в журнале его популярность среди читателей существенно выросла.

В последующие годы Лязиза Сергазина занималась художественным переводом на казахский язык советской прозы и произведений писателей ряда

стран Азии и Африки. Так, она перевела повесть Иосифа Ликстанова «Малышок» о подростках, которые заменили ушедших на фронт отцов в заводских цехах; роман народного писателя Латвии Вилиса Лациса «Сын рыбака»; рассказы афро-азиатских писателей (сб. «Танец ночных змей»)...

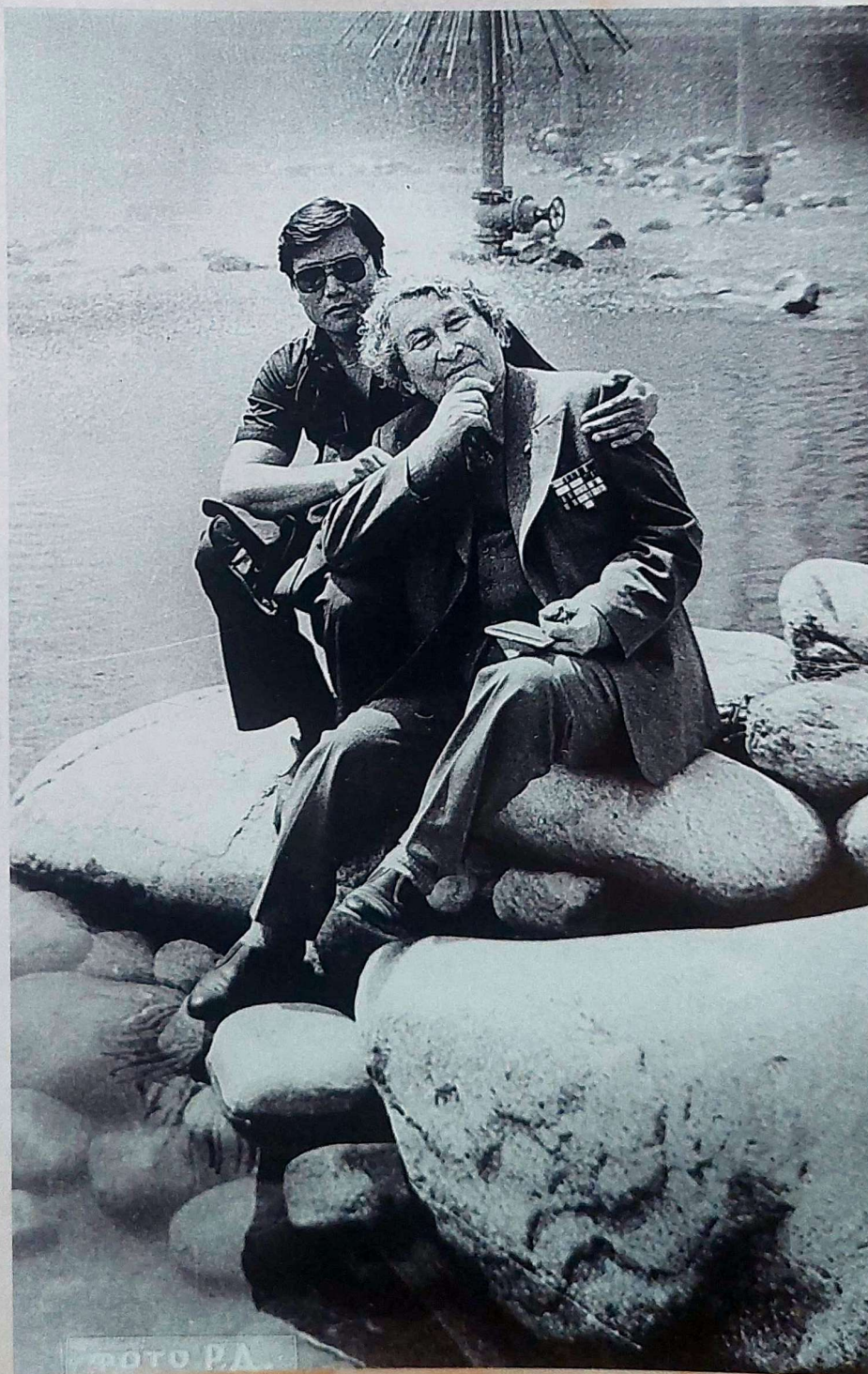
Журналистское и переводческое творчество Лязизы Сергазиной способствовало тематическому и

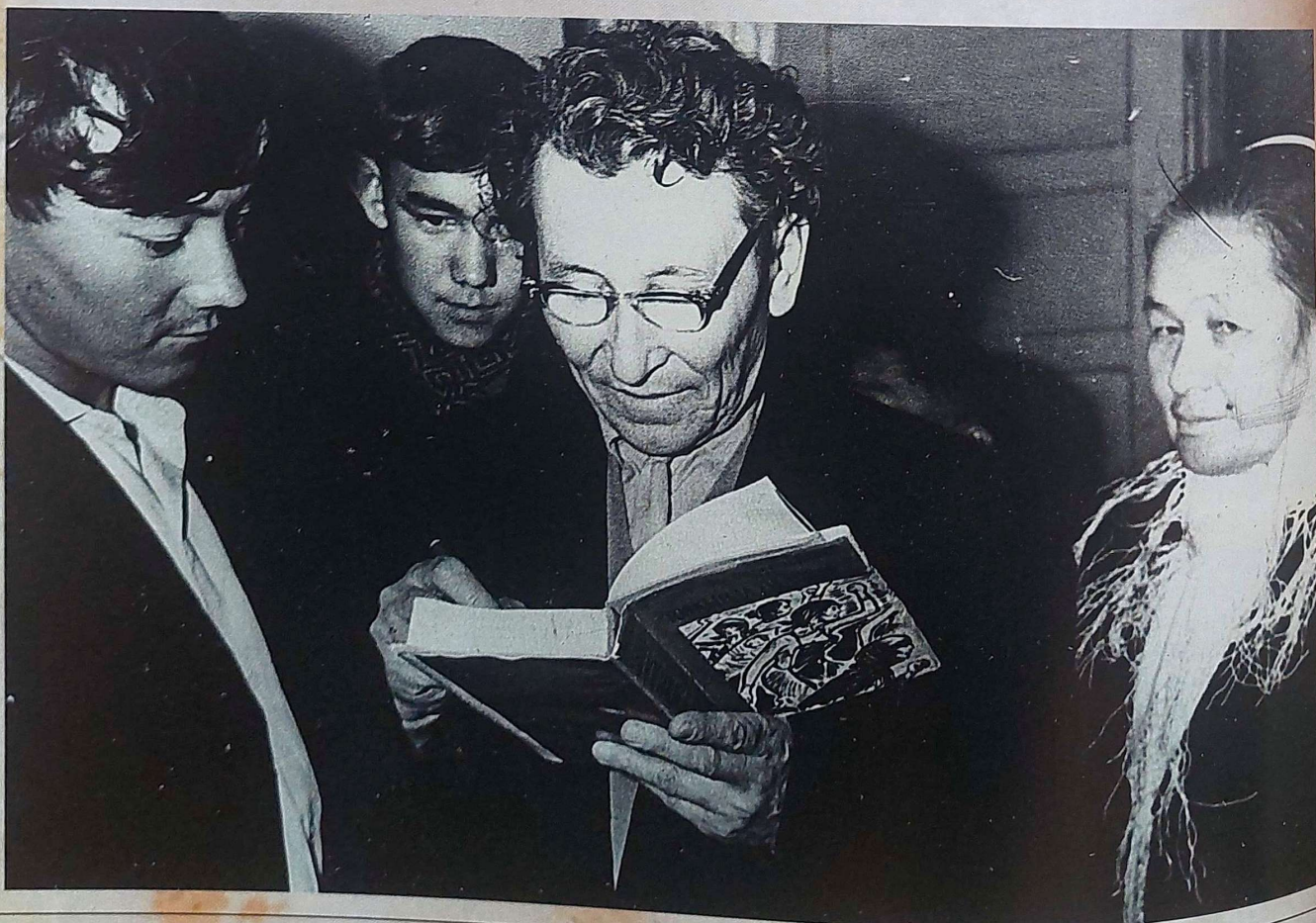
образному обогащению казахской литературы и публицистики.

УЗЫ ДРУЖБЫ

– Среди своих близких друзей – казахских писателей – папа был старше многих, – говорит Райхан-апа.

Своим сыном он называл и писателя-академика Зейнулла Кабдолова, и поэта Жумекена

Нахмеденова, автора текста популярного с 1956 года «Марша целинников» композитора Шамшы Калдаякова. Потом он был преобразован в песню «Менің Қазақстаным» (Мой Казахстан). После частичных изменений, внесенных в 2005 году Президентом РК Н. А. Назарбаевым в текст этой песни, она с 2006 года обрела статус Гимна Республики Казахстан.

Сыном своим папа считал и литературного критика Зейнулла Сериккалиева, которого за его острое перо называли «казахским Белинским». Когда пришел к читателям роман отца «Рожденные на волнах», Зейнулла учился в 10 классе. Он прислал автору свой глубокий отзыв на книгу. Папа ему ответил, и всю последующую жизнь именовал Зейнулла своим «личным литературным критиком».

Большим другом отца был его однополчанин, башкирский поэт Мустай Карим, будущий народный писатель Башкортостана. До конца своей жизни папа питал

дружеские чувства к поэтам – фронтовику Михаилу Львову, Илье Сельвинскому, Татьяне Кузовлевой и Людмиле Щипахиной, секретарю Международной ассоциации писателей-баталистов и маринистов. Папа тоже был членом этой ассоциации. Он много лет переписывался с латышскими прозаиками – народными писателями Латвии Анной Саксе, уже упоминавшимся Вилисом Лацисом, а также с Жаном Гривой (1910-82).

ГРАЖДАНСКАЯ ОТВАГА

– Ваши мать и отец были, конечно же, свидетелями того, как в период великого голода 1930-х годов повально умирали казахи, шедшие из своих обескровленных аулов куда глаза глядят, замертво падая на дорогах и тропах.

Казахи водных регионов могли прокормиться рыбой, но у шаруа, оставшихся без скота, насильственно у них изъятого, вообще не было никакого спасения.

Как эту национальную трагедию переживали ваши родители?

– В 1926-27 годах тогдашний 1-й секретарь Казахского краевого комитета большевистской партии Филипп Голощекин объявил на весь Советский Союз о так называемом «Малом Октябре» в Казахстане. Эта репрессивная политика привела к ликвидации зажиточных скотоводов как класса и насильственному переводу казахов-кочевников к оседлости. «Апофеозом» этой политики стали огромные жертвы и массовый голод в начале 1930-х годов. Эти трагические времена папа отразил в своем творчестве.

Он часто вспоминал в кругу семьи, как однажды, будучи в командировке, видел, что партийные и советские чиновники во время обеда в аульной столовой бросают объедки со стола за окно голодным людям, и те хватают их и жадно поедают. В ауле ждали приезда руководителя Советского Казахстана. Папа, которому тогда было лет

25-26, наивно думал: «Вот приедет товарищ Голощекин и наведет должный порядок!» Но тот никак не отреагировал на это безобразие и беззаконие. Папа был потрясен.

В период репрессий 1930-х годов он каждую ночь ожидал, что за ним, как и за многими казахскими интеллигентами, придут агенты карательных органов. Надевал на ночь чистое белье, и они с мамой держали наготове узелок.

Когда мама была еще юной, ее на всех собраниях «песочили» за то, что она дочь богача, совершившего хадж в Мекку. А папе доставалось за то, что он женился на дочери муллы. Когда мама работала в газете «Социалистік Қазақстан», причем ударно и успешно, ее долгое время не повышали в должности только по причине ее «непролетарского» происхождения.

– В 1949 году пышно праздновалось 70-летие со дня рождения И. В. Сталина. Журнал

«Новый мир» напечатал подборку юбилейных стихотворений ряда поэтов из союзных республик и стран бывшего социалистического лагеря, или, как тогда было принято выражаться, из «стран народной демократии». Из казахской поэзии в подборку вошло только стихотворение Абу Сарсенбаева.

Как ваш отец воспринял развенчание и разоблачение культа личности вождя в 1956 году? Ведь он прошел войну под лозунговым кличем «За Родину! За Сталина!»

– Узнав о смерти И. В. Сталина, мы все плакали. А что вы хотите? Мы все так были воспитаны. В начале перестройки «Литературная газета» напечатала фотоснимок: на парапете у мавзолея Ленина сидят и курят разбитные девчонки. Папа пришел в ужас.

В период развала Советского Союза папа сделал такую запись от 10 октября 1991 года: «Итак, товарищ партбилет, 63 года я носил тебя,

как знамя чести... Ужасы, которые пережил казахский народ, творились именем Коммунистической партии. Но личной моей вины – как рядового партийца – нет во всем этом и с игольное ушко».

В конце 1940-х годов на стыке тогдашней Семипалатинской, Павлодарской и Карагандинской областей была выделена зона площадью в 18 тысяч квадратных километров для проведения испытаний атомного оружия. Начались взрывы ядерных зарядов на земле и в атмосфере.

Папа своими глазами видел массу несчастных детей, ставших жертвами этих бесчеловечных экспериментов над людьми и природой. Папа с болью в сердце написал поэму «Крик души ребенка XXI века».

Всем известно гордое название эпической поэмы Олжаса Сулейменова «Земля, поклонись человеку!» – о полете Юрия Гагарина в космос 12 апреля 1961 года. Папа на это название

отреагировал так: «Нет! Пусть человек тебе, Земля, поклонится!»

– Эту свою антиядерную поэму ваш отец написал, видимо, уже после того, как Семипалатинский полигон умолк, закрытый 29 августа 1991 года в соответствии с Указом Президента Казахстана Н. А. Назарбаева и постановлением Правительства республики?

– Намного раньше. Даже еще до организации движения «Невада-Семей», объявленной 28 февраля 1989 года. Многие наши соотечественники отдавали должное гражданской, политической смелости отца. Он, вообще, был во всем очень принципиальный человек.

Помню, в конце 1986 года, уже после исторических декабрьских событий в Алма-Ате, мы с папой были в театре на каком-то спектакле. В антракте мимо нас проходил тогдашний 1-й секретарь ЦК Компартии Казахстана Г. В. Колбин, ставленник Москвы. Он потянулся к папе для рукопожатия, но папа повернулся к нему спиной, не пожелав ни здороваться, ни разговаривать. Однажды в Союзе писателей Колбин обратился к нему:

– Абеке, как, однако, ваша молодежь нашумела в Алма-Ате!

– Не с молодежи надо спрашивать, – парировал отец, – а с Политбюро ЦК КПСС!

БЛАГОРОДСТВО

В послевоенные годы Абу Сарсенбаев, возглавляя Казахское учебно-педагогическое издательство, принял на работу Райымбека Букейханова – младшего брата Алихана Букейханова, одного из расстрелянных в 1937 году лидеров демократической партии «Алаш». Подобных поступков в жизни писателя было немало. К счастью, ни один из них не имел негативных последствий ни для него, ни для его семьи.

– Папа делал людям много добра, – говорит Райхан-апа. – Не обращая абсолютно никакого внимания «ни на биографию, ни на географию», говоря словами мудрого Зейнуллы Сериккалиева.

В Союзе писателей Казахстана он несколько лет возглавлял секцию молодых писателей. И дал «путевку в творческую жизнь» многим юным дарованиям. Например, благословил в поэзию Фаризу Унгарсынову, позже ставшую народным писателем Казахстана, лауреатом Государственной премии РК, мажилисменом. И Ақұштап Бақтыгерееву. Напутствовал на литературное поприще прозаика, будущего лауреата Государственной премии РК и премии «Тарлан» Сайына Муратбекова...

У моих родителей была, образно говоря, «духовная дочь» – талантливая девушка Канипа Бугыбаева. Она хорошо пела, писала стихи. Никогда не теряла ни оптимизма, ни романтичности. Трава в ее стихах всегда была зелена, а небо безоблачно. Свою дочку она назвала Лязизой – в честь моей мамы. Канипа много писала о моем отце. Счастливой любви папы и мамы она посвятила трогательный очерк «Лебединая песня».

Поэта, прозаика и драматурга Зейнуллу Шукурова тяжелый недуг

Мен маңдағы жерде Тамисей 49,

обрек на 45-летней героическую борьбу на больничной койке за полноценную творческую жизнь. Не раз бывало — проведет он у нас день, потом папа наймет такси, поднимет его на руки, донесет до машины и увезет в больницу.

Однажды, было это в начале 1960-х годов, папа ездил куда-то с ректором Горного института (ныне Казахский национальный технический университет имени К. И. Сатпаева) Смирзаном Байконуровым и заскочили они по пути перекусить

в случайную столовую. И видит папа сидящую в сторонке за столиком девушку, вроде как ждущую кого-то. Подошел к ней, стал расспрашивать. Девушка приехала из Мангыстау учиться на нефтяника. На его реплику: «это же не женская профессия!» — она ответила:

— У нас много нефтепромыслов, куда на заработки валом валит народ с Кавказа, причем везут даже ковбоя, ни в чем, видимо, не доверяя нашей молодежи. Мой отец возмущается: неужели среди местных жителей и

девчат не найдется никого, кто мог бы стать инженером-нефтяником? Вот я и решила им стать.

— Как тебе повезло! — воскликнул папа. — Здесь как раз находится ректор нужного тебе института — и подвел девушку к Байконурову. Вскоре она поступила в Горный институт.

Интересно было бы узнать, как сложилась ее судьба...

Или еще случай. Идет как-то папа с работы домой и видит: во дворе на скамейке сидит, понури голову, незнакомый парнишка. И на второй день сидит, и на третий. Папа подошел к нему: «Кто ты? Кого ждешь?»

Оказалось, он приехал из Жамбыла (Тараза), прослышав, что «в Алма-Ате живет Абу-ага, который всем помогает!» Эта весть ходила тогда по всему Казахстану — так говорил мне поэт Темирхан Медетбек. Кстати, Темирхан считает Абу-ага своим «духовным отцом», хотя он, теперь уже лауреат Государственной премии РК, впервые пришел в наш дом, имея в своем творческом багаже две поэмы и множество стихов.

Так вот, этот парнишка рассказал, что он с родителями и братом жил в ауле, и все они ели пшеницу, которая, как потом выяснилось, была отравленной. Мать с отцом сразу умерли, а они с братом стали инвалидами. Парнишка, который с трудом передвигался, сочинял стихи, которые папе чем-то понравились. Он привел его к Умирбеку Джолдасбекову, ректору КазГУ в 1970-87 годы, и заявил: «Если мы не поможем таким сиротам, то кто же еще им поможет? Он даже в чабаны по нездоровью не годится!» Парнишка был принят на заочное отделение факультета журналистики.

Приезжая на учебные сессии, он останавливался ночевать у нас. Выучился, стал работать в районной газете где-то под Таразом, женился. Когда папе исполнилось 90 лет, юноша прислал в наш дом свою сестренку с поздравлениями. Последняя по времени запись в отцовском дневнике посвящена этому юноше. Папа выражал ему

благодарность за то, что тот не забыл сделанное когда-то ему добро.

МЕМОРИАЛ АБУ САРСЕНБАЕВА

— После ухода папы, — вздыхает Райхан-апа, — я начала собирать воспоминания о нем. Фамилия наша — как пароль, стоит ее назвать — любые двери открываются. Я глубоко благодарна всем, кто моментально откликнулся на мою просьбу и написал сердечные воспоминания. Все эти теплые страницы вошли в книгу «Тоқсан толғау» (Вспоминая патриарха), вышедшую в издательстве «Раритет».

Этот сборник можно назвать «мемуарной историей» казахской литературы XX века. Главами этой истории я считаю дневники и рукописи отца. О ком он только не писал! И о великом Мухтаре Ауэзове — эта статья пока еще не опубликована, и о Хамзе Есенжанове, авторе исторической

трилогии «Яик — светлая река», и о поэте Таире Жарокове... Разделами истории казахской литературы можно считать и написанные отцом учебники и учебные пособия, по которым несколько десятилетий учились школьники. Это и «Родной язык», и «Хрестоматия по литературе», и «Книга для чтения».

...Все названные Райхан-апой издания представляют собой своеобразные книжные памятники ее отцу.

Добавим, что средняя школа в родном ауле Абу Сарсенбаева носит его имя. Как и один из новых, намытых морем, песчаных островов у атырауского побережья Каспия. В 1995 году по случаю 90-летия со дня рождения писателя в его честь переименовали улицу Ворошилова в областном центре. Райхан-апа помнит ироническую усмешку отца: «Ничего себе! У первого красного маршала я улицу отнял!»

— Когда мама ушла, — вздыхает Райхан-апа, — папа написал в дневнике: «Сегодня скончалась Лязиза. С ее смертью имя ее отца, Мешитбай-кажи, угасло. Наверное, когда уйдет из жизни наша любимая дочь Райхан, и мое имя померкнет». Нет, я уверена: забвение отцу не грозит. Его литературное наследие останется в сердцах все новых и новых поколений читателей.

МЕМОРИАЛ ЛЯЗИЗЫ СЕРГАЗИНОЙ

— Я очень признательна сотрудникам канала «Қазақстан-1», — продолжает Райхан-апа, — которые в 1998 году подготовили и показали по телевидению прекрасную передачу — о жизни и деятельности мамы, первой в Павлодарском Прииртышье казашки-журналистки.

В 2001 году Райхан Сарсенбаева передала в фонд Павлодарского

музея литературы и
а имени Бухар Жырау
ые личные вещи матери,
фотографии,

рственные награды, ксероксы
статей и экземпляры переведенных
с разных языков книг. Осенью
8 года, в дни 100-летия со дня
рождения Лязизы Сергазиной,
в музее работала выставка,
рассказывающая о журналистике
Павлодарского Прииртышья.
Большое внимание посетителей
вызвал установленный в центре
экспозиции мемориальный стенд,
посвященный юбилею.

Именем Лязизы Сергазиной был
назван пресс-центр в Павлодарском
государственном университете имени
С. Торайгырова (ПГУ).

100-летию Лязизы Сергазиной
была посвящена и проведенная
в сентябре 2008 года в ПГУ
международная научно-
практическая конференция
«Региональная пресса: вчера,
сегодня, завтра», с участием
журналистов из Астаны, Алматы,
Павлодара, других городов
Казахстана, а также из соседних
российских городов – Барнаула,
Новосибирска, Омска.

Ректор ПГУ Ерлан Арын в
соответствии с решением областного
клуба редакторов и ученого
совета вуза вручил мастерам пера
специально учрежденные премии.
В номинации «За преданность
журналистской профессии» премию
имени Лязизы Сергазиной получил
собственный корреспондент
республиканской газеты
«Казахстанская правда» Сергей
Горбунов. Примечательно, что
директор Павлодарского областного
радио Галия Балтабай говорила
на форуме о проблемах женской
национальной журналистики.
Видимо, действительно эти
проблемы актуальны – в свете хотя
бы того факта, что первой премии,
носящей имя выдающейся казахской
журналистки, был удостоен
мужчина.

В числе почетных гостей на
конференции присутствовали
сын Лязизы Сергазиной и Абу
Сарсенбаева, доктор географических
наук Минаш Сарсенбаев, и ее

внук, инженер Дархан Сергазин, и
племянник Тельман Шаймерденов.

ПУСТЬ ЗДРАВСТВУЕТ РОДНОЙ КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК!

– Абу Сарсенбаев всю войну
прошел в рядах Советской Армии, в
русскоязычной среде. Не расшаталось
в нем знание родного языка?

– Нет. Хотя на фронте он писал
некоторые статьи и на русском языке.
И нам, своим детям, он нередко
наказывал в своих письмах: «Учите
русский!» Но, уже находясь в Европе,
сокрушался, что советские солдаты
никаких языков, кроме русского,
не знают. Тогда как жители любой
европейской страны свободно
говорят на нескольких языках.
И теперь он стал настоятельно
советовать нам: «Изучайте
иностраные языки!»

Потому и я поступила в Иняз, и
дочь моя Гульнара, которая сейчас,
по линии Всемирной организации
здравоохранения, часто выезжает на
работу за рубеж.

– В своей обиходной речи ваши
родители не сочетали казахские и
русские слова?

– Нет, папа говорил на
прекрасном казахском языке. Как и
мама. А вот моя правнучка Меруерт,
хотя и ходит в казахский детский
садик, постоянно пересыпает речь
русскими и английскими словами.

Сама я много лет
занималась психолингвистикой.
Хорошо овладела русским
языком. Но согласно одной
психолингвистической теории, со
временем родной язык, пусть и
подзабытый человеком, все равно
возвращается в сферу его сознания.

Вот как красочно и
многозначительно говорит об этом
Олжас Сулейменов:

*Язык отцов, язык тысячелетий
Ты временем, как глина, обожжен,
В тебе удар меча и посвист плети,
Мужская гордость и горячность
жен,
В тебе звучат забытые наречья
Шумеров, гуннов, хрип
монгольских слов,
Где ты рожден?*

*В пожарах Семиречья?
Тебя по жилам к нам перенесло...
...Клянусь тобою, я к тебе вернусь.*

Когда я приехала в Алма-Ату
из Атырау (в ту пору Гурьева) в
возрасте четырех-пяти лет, я не
знала ни слова по-русски. Но с
годами стала родной язык мало-
помалу забывать. Понимать-то
понимала, но говорить не говорила.
Это, к великому сожалению, было
явление, типичное для столичного
тогда социума. Выйдя замуж, я
уехала в Павлодар, где в то время
многие русские вполне сносно
говорили по-казахски. Фамилия
моего свекра, Кабдрахима,
была Абдрахманов, так над ним
его русские друзья-приятели
подшучивали на арабский
манер: «Бисмилля рахман рахим,
Абдрахманов Кабдрахим».

После окончания института я
вернулась в Павлодар. И оказалась
первой девушкой-казашкой,
которая преподавала английский
язык в русской школе. В городе
располагалось тогда летное военное
училище, я и в нем преподавала.

Общаясь со свекровью, с
аксакалами, я со временем стала
свободно разговаривать на родном
языке. Переехав в Алма-Ату,
поступила в НИИ педагогических
наук имени Ыбрая Алтынсарина.
И благодаря своим коллегам –
языковедам и литературоведам
– овладела казахским, можно
сказать, в совершенстве. Возымело
свое действие, конечно, и влияние
родительской среды и литературного
творчества папы и мамы.

Так что напоследок хочу сказать
читателям журнала «Достык-Дружба»:
учить казахский язык никому и
никогда не поздно. Билингвизм
(двуязычие), а еще лучше –
трехязычие, за что ратует Нурсултан
Абишевич Назарбаев, – расширяет
кругозор, обогащает внутренний мир.
Было бы только личное осознание
этой необходимости и воля. Чего я
всем желаю*.

Илья СИНЕЛЬНИКОВ